

Н. С. ЛЕСКОВ

В 70-х годах Достоевский писал Майкову, что "такое явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически, да и посерьезнее". Это было лет десять спустя после того, как Лесков (Стебницкий) выступил в печати со своими случайными фельетонами по поводу одного из тогдашних - не важных, но громких - дел, затрагивавших революцию, и подвергся журнальному гонению. Шли годы, литературные кумиры сменялись кумирами. Наряду с Тургеневым почитали не только талантливых Гончарова и Писемского, но и малоталантливого Григорович; потом Толстой стал вытеснять всех - и самого Тургенева. Наконец, "преемником" Тургенева и Толстого готовы были объявить Потапенко (есть и такой беллетрист), пока не остановились на Чехове. А затем пришли и Горький, и Андреев. Это все "преемники" Тургенева и Толстого! Нечто вроде таблицы египетских фараонов или русских князей. И в этой смешной родословной оставляли в стороне и Сатлыкова, оговариваясь, что "ведь он был *сатирик!*", и Герцена, "известного эмигранта", и Глеба Успенского, "народника - тоже довольно скучного"!.. Только Гончарова не забывали и упоминали рядом с Тургеневым, - разумеется, под давним влиянием Добролюбова.

А Достоевский? О нем ведь только декаденты и начали говорить, как следует, а то только и было слышно: "Замечательный психолог, но очень тяжелый писатель". Молодые современные читатели не помнят этого очаровательного времени, когда Тургенев был каким-то забавным по своей общепринятости критерием, от чего, по-видимому, страдали уже и Достоевский, и Толстой, а потом и Чехов.

Куда поместить Лескова? можно ли сравнить его с Тургеневым? "Преемник" или не "преемник"?

И опять декаденты дали толчок к приятию Лескова. Первый опыт к его "оправданию" в критике сделан был в те дни Волынским, но с таким мертворожденным безвкусием, как и все, что исходило от этого критика, что Лесков и после того не врезался в литературу. А между тем пришли новые, воистину болеющие - и Сологуб, и Ремизов, и в их-то приемах чувствовался вкус не к Тургеневу и не к Толстому, а именно к Лескову. Этот вкус есть и в последних романах З. Гиппиус.

Так-то развивалась наша литература, не спрашиваясь критики. В истории русской повести Лесков - один из превосходнейших мастеров, помимо всего прочего. Так же, как и Достоевский, помимо всей его морали и анализа, и философии. И тот, и другой - именно мастера повествования. И того, и другого в этом смысле давно пора было бы признать и принять.

Недостатки Лескова, о которых так любят говорить люди, равнодушные к литературе? А недостатки Тургенева, Гончарова, Толстого?

Но у кого были достоинства Лескова, ему одному присущие? Ни у кого. Лесков совершенно своеобразен. И это своеобразие - качества не только подлинного художественного, но стихийно-художественного, воистину неподражаемого, т.е. неповторимого, и в то же время без всякой подделки -

народного.

Лескова еще будут изучать, над ним еще будут думать, им еще будут восхищаться, на нем еще будут воспитываться. Не только на его сосредоточенном и играющем стиле, но и на его писательской душе, одной из самых взволнованных и резких.

В Лескове не было внутреннего изящества - исключая прелести его морализования, иногда чрезвычайно тонкого. У него не было метафизики. Его мистика элементарна. Но в этой безметафизичности, в этой простоте его религиозных чувств была особая пленительность - здравого смысла, трезвенныести. Потому пленительность, что "здравый смысл" Лескова был природы не рассудочный, не позитивной, а кровно-религиозной. Лесков не ищет Бога в небесах, потому что в этом бытии Его он просто ни на минуту не сомневается. Он с необыкновенной, потрясающей по силе ненавистью говорил - и не раз, по рассказу его биографа (Фаресова), - как он уйдет после смерти "к Господу моему Иисусу Христу" и как будет *там* раскаиваться с теми, с кем он *здесь* был дружен или успел при жизни помириться. Это была вера, равная по своей безметафизичности и в то же время непрекаемости вере тех, чье религиозное сознание питается картиной Страшного Суда, показанной еще Владимиру Святому, или изображением "Ступеней человеческой жизни", смущавшим героя горьковского романа своей добродетельностью. Лесков не искал Бога, как искали и Гоголь, и Достоевский, и Толстой, и декаденты вслед за ними. Он Его "знал" с истинной догматической наивностью, безо всяких умственных томлений. Он только не знал, встретит ли он Его еще здесь, пока не уйдет, уже, наверное, к "Господу моему Иисусу Христу". Его религиозная взволнованность была не в сомнениях, есть ли Бог, а только в сомнениях, случится ли встреча здесь, сейчас, сегодня, завтра, послезавтра. Но вообще в мире, в природе, в звездах, в ветрах, в тишине - не в мире, а в *миру* - "среди людей". Христа среди людей, Христа, посетившего нас в нашем быту, неузнанного среди нас в нашем житье-бытье, день за днем, - неузнанного, пока он не уйдет, не "вознесется", когда только и станет вдруг ясно, что Он именно был среди нас.

Как на пути в Эмаус... "Разве не горело сердце наше?"

Несмертельный Голован, Карл Иваныч ("Томление духа"), "Христос в гостях у мужика"... Они проходят рядом, близко и мимо, едва коснувшись сердец с тем, чтобы сердца сами их коснулись. Приходят и уходят. Потом еще раз придут, и опять уйдут, - и опять придут"?

У Лескова было две любви, сходившиеся и расходившиеся в его сознании: Христос и Россия. Вначале они сходились - Христос и Россия отождествлялись, как у славянофилов. Отсюда ранний вкус Лескова к старообрядчеству, старопоповская идиллия "Соборян", дружба с Тертием Ивановичем Филипповым и Катковским кружком. Потом они разошлись. Лесков порвал со всем, что примыкало к национальному самодовольству и общественной неподвижности. Стал наконец толстовцем. Две линии - две любви - разъединились, разбежались. Разошлись, чтобы встретиться. Или они - параллельные и могут встретиться, подобно параллельным Лобачевского,

лишь в бесконечности? Лесков всю свою долгую жизнь томился их встречей. Он нетерпеливо ждал этой встречи уже здесь - и ему все казалось, что время близко, что скоро встретятся, что иногда - вдруг, внезапно - на одно короткое мгновенье Христос оказывается среди нас - неизвестный.

"В гостях у мужика"...

"Разве не горело сердце наше?"...

Отстав от связей с реакцией и славянофильством, Лесков наотрез отказался только от той мысли, что Россия и Христос - уже одно, спокон веков и навеки. Они еще - не одно. Их нельзя отождествлять. Но если одна из вечно разбегающихся линий - Россия, - в своем притяжении к Христу накренится к Нему, разве Христос не склонится к ней в ответ, - для встречи?

Накренить Россию к Христу, - и Христос склонится к ней. Вот деятельная мечта о христианской России - не в совершившийся уже истории, а в возможности, - в "бесконечности".

Был ли, мог ли стать Лесков вполне и толстовцем? Нет, не мог, - так же, как не мог раньше слиться с нигилизмом. Между тем и другим было общее - несмотря на религиозную разницу. В нигилизме - безнациональный бунт, в толстовстве - безнациональное христианство. Лесков любил Христа и Россию. Толстой космополитичен, так же, как и писаревщина. В христианских тревогах Лескова была не только тревога вообще за людей, но и тревога за русскую жизнь, за Россию.

Становясь толстовцем, Лесков не отрекался от своего литературного прошлого с тягой к национальному. Обе его литературные эпохи сближает любовь к России, - вначале ослепленная, потом прозревшая.

Россия и Христос - не одно, как ослепляли себя славянофилы. Но разве Россия никогда не была Христовой? Никогда? Ни одного мгновенья?

Конечно, была. Мгновеньями, озарениями - заслуженно или незаслуженно, - "милостью Божьей". Когда Христос, сам, может быть, жалея ее, склонялся к ней, сам входил "в избу мужика", входил, чтобы напомнить, входил, чтобы уйти. Но уходил, чтобы опять вернуться, еще раз прийти.